

ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ КАМЕНЕВкандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
*ev.kamenev@yandex.ru***СОЮЗ БЛАГОДЕНСТВИЯ КАК «ПАРТИЯ НОВОГО ТИПА»
(КОННОТАЦИИ В МОНОГРАФИИ М. В. НЕЧКИНОЙ «ДВИЖЕНИЕ ДЕКАБРИСТОВ»)**

Исследуется коннотативный семиотический уровень монографии М. В. Нечкиной «Движение декабристов» (1955), который ранее не был предметом специального историографического анализа. Изучение текста советского историка позволило выявить, что он построен по принципу многоярусной семантики: помимо буквального в нем присутствует еще и культурно обусловленный смысл. Культурно обусловленное содержание формировалось благодаря способу повествования. М. В. Нечкина описывала организационную структуру Союза Благоденствия в рамках официального дискурса об истории русской революции и большевистской партии. Дискурс, использованный автором монографии, обеспечивал актуализацию в тексте официальных советских идеологем и запуск механизма проведения интертекстуальных связей. Погружение повествования советского историка в этот культурный контекст обеспечивало включение в него коннотативных смыслов. М. В. Нечкина посредством отсылок к прецедентным текстам советской эпохи показывает соответствие организационного строения Союза Благоденствия структуре большевистской партии. Эти параллели имели важное интерпретационное значение – декабристы благодаря им осмыслились как настоящие революционеры. Изучение коннотативных смыслов в работе М. В. Нечкиной важно для понимания механизма формирования советского образа декабристов, который, как показано в статье, конструировался на основе соединения научного и культурного кодов.

Ключевые слова: историография декабризма, М. В. Нечкина, коннотации, семиотика

Монография советского историка М. В. Нечкиной «Движение декабристов» (1955) как текст, созданный в пространстве советской культуры эпохи позднего сталинизма и выполняющий помимо научной еще и идеологическую функцию¹, отличается своей семиотической нагруженностью. Этот текст построен по принципу многоярусной семантики². Помимо буквального, в нем присутствует еще и культурно обусловленный (коннотативный) смысловой уровень, который ранее не был предметом специального историографического анализа. Исследование семантики текста М. В. Нечкиной на культурно обусловленном уровне позволит нам увидеть полифонию смыслов, которыми наделялось движение декабристов в советской историографии середины XX века, и разобраться в самом интерпретационном механизме, при помощи которого советская историография «рекрутировала» декабристов в революционеры. В настоящей статье мы сфокусируем внимание на одном примере из монографии «Движение декабристов» – на повествовании об организационной основе Союза Благоденствия (материалы пятой и шестой глав первого тома исследования М. В. Нечкиной).

Теоретико-методологической основой нашей работы является коннотативная семиотика французского семиолога Р. Барта. Выбор Р. Барта не

случаен, так как именно он развил семиотическую теорию о коннотативных знаковых системах и применил ее на практике при анализе художественного текста³. На наш взгляд, научное письмо, особенно то, которое создано с учетом господствующей идеологии, в семиотическом смысле не отличается от художественного, так как в нем также присутствует семантическая многоуровневость⁴. Поэтому коннотативная семиотика Р. Барта вполне может быть использована как инструмент анализа текста М. В. Нечкиной.

Современная семиотика выделяет в языке два уровня: денотативный и коннотативный [8: 11]. Тексты, построенные по принципу многоярусной семантики, включают в себя оба уровня. Каждому из этих уровней соответствует своя знаковая система: денотативному – естественный язык как первичная семиотическая система, коннотативному – язык культуры (вторичная система). В первичной знаковой системе каждое слово является с семиотической точки зрения знаком, семантика которого закреплена в словарях. Поэтому денотативный уровень доступен для понимания каждому, владеющему данным языком. Что касается вторичной знаковой системы, то тут уже нет прямого соответствия между словом и знаком. Коннотативным означающим может являться и часть слова, и текст объемом в несколько

страниц⁵. Для прочтения коннотативных смыслов не достаточно знать язык, на котором написан текст. Коннотативные смыслы в отличие от денотативных не фиксируются ни в словаре, ни в грамматике языка [4: 425]. Более того, они «прямо не называются, а лишь подразумеваются» [9: 18]. Коннотации закреплены в культуре. Следовательно, для прочтения коннотативных смыслов необходимо разбираться в языке той культуры, в рамках которой был создан исследуемый текст.

В настоящей работе мы обходим стороной вопрос о роли читателя в производстве смысла интересующего нас произведения, поскольку это тема для отдельного исследования. Отметим здесь лишь то, что читатель, для того чтобы видеть вторичные смыслы в тексте М. В. Нечкиной, должен был иметь соответствующий культурный багаж⁶. Наши задачи заключаются в том, чтобы, во-первых, выявить знаки вторичной знаковой системы в тексте М. В. Нечкиной и, во-вторых, определить их семантику.

М. В. Нечкина уделяет большое внимание изучению организационной структуры Союза Благоденствия. К этой теме она постоянно возвращается на протяжении всего повествования о декабристском обществе. По степени своей важности организационное оформление поставлено историком в один ряд с вопросами идеологии и тактики Союза:

Настойчивая и непрерывная работа над программой, постоянное обдумывание тактической линии и поиски новых организационных форм – замечательная черта декабристского движения⁷.

Каждый историк пишет о структуре Союза по-своему, обращая внимание на разные детали. В повествовании М. В. Нечкиной нас интересует то, на чем она акцентирует свое внимание, то, что, по ее мнению, свидетельствует о наличии в Союзе структуры или, другими словами, что является знаками организационного оформления декабристского общества.

ЗНАКИ ВТОРИЧНОЙ СЕМИОТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

На наш взгляд, в повествовании М. В. Нечкиной о структуре Союза Благоденствия выделяются три знака. Первым знаком является *центр*. Историк подчеркивает, что в структуре Союза был центральный руководящий орган, решения которого беспрекословно выполнялись всеми без исключения управами, – Коренная управа (Коренной союз⁸), располагавшаяся в Петербурге. Для М. В. Нечкиной важен не только сам факт наличия в организации центрального органа. Декабристское общество является оформленным организационно только в том случае, если его руководящий орган обладает беспрекословной властью. Историк подчеркивает, что власть петербургского центра была настолько сильна, что

даже столь отдаленные управы, как Тульчинская (украинская управа. – Е. К.) с И. Г. Бурцевым и П. И. Пестелем во главе, признавали своим центральным органом Коренную управу, решения которой выполняли (Нечкина: 213).

Тезис о сильной власти центра является лейтмотивом всего повествования об организационной основе Союза и неоднократно повторяется. Приведем лишь несколько примеров:

Основную руководящую роль в Союзе Благоденствия играл «Коренной союз»; из петербургских управ надо прежде всего указать на Коренную управу Союза Благоденствия, управлявшую организацией в целом; все петербургские управы были особо тесно связаны с Коренной; Коренной союз Союза Благоденствия имел законодательную власть в организации; руководство, – еще раз подчеркивает М. В. Нечкина, – осуществлялось Коренной управой (Нечкина: 205, 206, 207, 213).

Даже в поведении отдельных членов Союза историк видит доказательство силы его руководящего органа. Например, так интерпретированы действия П. И. Пестеля:

Когда Пестель оповестил Тульчинскую управу о постановлении Петербургского совещания Коренной думы в 1820 г., он сделал это, как сам указывал на следствии, на основании правил «Зеленой книги», которые обязывали руководителей отдельных управ сообщать своим управам постановления Коренной управы, являвшейся, по точному выражению Пестеля, «Законодательную Властью Союза» (Нечкина: 206).

Именно сильная власть руководящего органа позволяет М. В. Нечкиной говорить о том, что «Союз Благоденствия был строго централизованной организацией» (Нечкина: 206).

В состав Союза Благоденствия помимо петербургского центра входили местные управы. Они существовали в Петербурге, Москве, Кишиневе и Тульчине. Все эти управы были тесно связаны между собой, о чем неоднократно упоминается в тексте:

С Союзом Благоденствия Измайловское общество было в «нераздельном соединении»; надо решительно подчеркнуть, что Тульчинская управа действовала в общей системе Союза Благоденствия, а не отдельно от нее (Нечкина: 215–216).

Наличие связей между отдельными управами является вторым знаком организационного оформления Союза, поскольку именно связи между управами образуют, по выражению М. В. Нечкиной, «систему союза». Свидетельства, ставящие под сомнение сплоченность управ, подвергаются в монографии критике. Так, например, автор не соглашается с показаниями Никиты Муравьева, который отрицает связь Тульчинской управы с Союзом (Нечкина: 216). Согласно Муравьеву, П. И. Пестель отверг устав Союза Благоденствия и «завел Южную управу» как независимое от петербургского центра общество. По мнению М. В. Нечкиной, Никита Муравьев намеренно исказил информацию в своих показаниях,

а Тульчинская управа всегда была тесно связана с Союзом (Нечкина: 216).

Третьим знаком организационного оформления Союза является *легальная периферия*. Союз Благоденствия был, согласно тексту монографии, нелегальной организацией. Однако декабристы не ограничивались только лишь конспиративной деятельностью. Союз был окружен многочисленными легальными организациями, которые были либо учреждены им, либо «завоеваны». В число таких легальных обществ входили, согласно тексту монографии, Зеленая лампа, Вольное общество любителей российской словесности, Журнальное общество, Вольное общество учреждения училищ по методу взаимного обучения. Кроме того, Союз «отчасти вторгся в “Библейское общество”, взволновав там стоячее болото» (Нечкина: 268). Эти легальные организации входили в систему Союза, и поэтому разговор о них является важным элементом в повествовании о структуре декабристского общества. Согласно М. В. Нечкиной, такая смешанная структура (закрытые тайные управы, с одной стороны, и легальные общества – с другой) была выгодна с тактической точки зрения. Благодаря легальным обществам Союз «нечувствительно» готовил единомышленников для борьбы с крепостным правом и самодержавием (Нечкина: 201).

Последним знаком, свидетельствующим об организационном оформлении декабристского общества, является понятие *дисциплина*. Правила поведения членов Союза были установлены Коренной управой, которая была к тому же еще и «верховным судилищем» (Нечкина: 206–207). Решениям управы должны были подчиняться все члены Союза. Так, члены Союза письменно подтверждали свое согласие с «целями и законами» декабристского общества (Нечкина: 204). На самих же членов общества были возложены определенные обязанности, которые подробно описаны в монографии. Мы приведем лишь пару примеров из текста:

...члены Коренного союза были обязаны учредить и возглавить по одной управе; ...члены отрасли «человеколюбия» должны были вступать во все <...> уже существующие «человеколюбивые» общества и «составлять» новые (Нечкина: 207, 197).

Неподчинение воле центрального органа вело к наказанию. Так, например, отказ организовать новую управу «влек за собой немедленное исключение из Коренного союза» (Нечкина: 206). Никакого самозачисления в Союз не предполагалось, «принимать новых членов мог <...> лишь тот член, который имел для этого особенное письменное “полномочие”» (Нечкина: 204). Вступающий в общество должен был отвечать определенным требованиям и давал к тому же две расписки.

Все вышеперечисленные знаки свидетельствуют, согласно М. В. Нечкиной, о том, что Союз

Благоденствия был оформлен организационно. Прямой денотативный смысл этих знаков понятен любому владеющему русским языком. Организационное оформление предполагает наличие, во-первых, руководящего органа, решениям которого подчиняются все нижестоящие органы; во-вторых, сильных связей между отдельными управами, благодаря которым возникает «система Союза»; в-третьих, легальной периферии, способствующей достижению поставленной цели, и, наконец, в-четвертых, строгой дисциплины.

Далее проследим культурно обусловленную семантику этих знаков или, другими словами, их коннотации.

СЕМИОТИЧЕСКИЙ КОД

Вторичные смыслы актуализируются и приобретают фиксированное значение благодаря ассоциациям, возникающим в пределах той культуры, в которой текст создан. Возникают они благодаря так называемой памяти контекста, то есть через актуализацию явных и скрытых отсылок к прецедентным текстам данной эпохи и к знаковым для данной культуры событиям. Значит ли это, что мы должны проанализировать весь советский культурный пласт 1950-х годов для выявления коннотаций в монографии М. В. Нечкиной? Разумеется, всю советскую культуру со всеми ее прецедентными текстами мы проанализировать не в состоянии. Впрочем, этого и не требуется. Поскольку культура представляет собой совокупность семиотических кодов [10], [11], наша задача – найти тот код, в рамках которого повествование советского историка об организационных основах Союза функционировало как знаковая система, то есть возникало явление семиозиса.

Движение декабристов не рассматривалось в советской культуре как самостоятельный феномен, оно было погружено в контекст более широкой темы – истории революционного движения в России. В этом контексте знаки, выведенные М. В. Нечкиной, обретали свои культурно обусловленные смыслы. Место декабристов в истории революционного движения в России было указано еще В. И. Лениным. Декабристы были поставлены им у истоков освободительного движения:

Мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала – дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало⁹.

«Русская революция», о которой писал В. И. Ленин, была победоносно завершена большевиками в октябре 1917 года. В советской культуре эта ленинская идея преемственности была закреплена в виде известной метафоры революционной искры, из которой большевики раздули пламя революции:

В декабре 1900 года за границей вышел первый номер газеты «Искра», – говорится в учебнике «История ВКП (б). Краткий курс». – Под заголовком газеты было изречение (эпиграф): «Из искры возгорится пламя». Эти слова взяты из ответа декабристов поэту Пушкину, который послал им приветствие в сибирскую ссылку¹⁰.

Именно в рамках этой парадигмы создавалась советская история движения декабристов. М. В. Нечкина писала:

Декабристы не только замыслили, но и организовали первое в истории России выступление против самодержавия с оружием в руках, и лишь Великая Октябрьская социалистическая революция попутно до конца выкорчевала в России средневековье (Нечкина: 58–59).

Не только М. В. Нечкина видела преемственность декабристов и большевиков. Этот ленинский тезис был общим местом советской историографии середины века. В монографии П. В. Никандрова «Мировоззрение П. И. Пестеля» (1955) говорится:

К 1817 г. группа молодых революционеров, движимая горячим чувством патриотизма, создала политическое общество для борьбы против деспотизма и тем самым бросила в русский народ первую революционную искру. Ровно через 100 лет эта искра разгорелась в великое пламя пролетарской революции, которая открыла новую эру в истории человечества¹¹.

Связь событий 1825 и 1917 годов видна также в монографии К. Д. Аксенова «Северное общество декабристов» (1951). Декабристы названы историком «первыми борцами с самодержавием», которые «подняли восстание против царизма». И только благодаря октябрю 1917 года удалось покончить «с властью царей»¹².

Ленинский тезис о преемственности революционных поколений, связывавший 1825 год с событиями 1917-го, имел далеко идущие последствия. Он породил своеобразную, характерную только для советской культуры, модернизирующую интерпретацию декабристского движения. Движение наделялось смыслом через знаковые для советской культуры феномены – историю революции 1917 года и историю партии большевиков. Например, как показала Г. Д. Алексеева, П. И. Пестель стал в советской культуре ни много ни мало родоначальником большевистской аграрной программы [1: 124]. Эта интерпретация вышла даже за пределы истории декабризма. В сталинскую эпоху А. С. Пушкин был назван советским человеком [17], а П. Н. Ткачев – первым большевиком [1: 124].

Этот контекст является семиотическим кодом, позволяющим нам «дешифровать» текст М. В. Нечкиной, поскольку в его рамках выявленные нами свидетельства организационного оформления Союза начинают функционировать как знаки, то есть помимо плана выражения приобретают план содержания – интересующие нас

коннотации¹³. Далее мы будем для краткости называть этот код советским.

СЕМАНТИКА ВТОРИЧНЫХ ЗНАКОВ

История русской революции в том виде, в каком она была представлена в сталинскую эпоху, это не только борьба с царизмом. Одной из основных тем советского повествования о революции являлась борьба внутри самого революционного движения – борьба революционеров с «попутчиками революции» – оппортунистами. Это противостояние мыслилось как один из важнейших факторов, влиявших на все революционное движение в целом, и рассматривалось как дело не меньшей важности, чем борьба с царским режимом.

Декабристы должны были предстать на страницах монографии М. В. Нечкиной как истинные революционеры, а Союз Благоденствия, соответственно, как подлинно революционная организация. В противном случае ставились бы под сомнение ленинская периодизация революции и ленинское зачисление декабристов в список революционеров.

Выделение истинной революционности в советской культуре осуществлялось на основе анализа организационной структуры общества, ибо, как утверждал В. И. Ленин, раскол на революционное и оппортунистическое крыло вызывается «не программными и не тактическими, а лишь организационными вопросами»¹⁴. Неудивительно поэтому, что М. В. Нечкина уделяла серьезное внимание теме организационного строения Союза – анализ структуры декабристского общества был призван утвердить идею революционности декабристов. Примером истинной революционности, на который следовало равняться всем историческим героям, попавшим в ленинскую периодизацию, были большевики. Образцом же оппортунизма являлись меньшевики. Соответственно, примером правильного организационного строения служила большевистская партия. История партии была закреплена в целом ряде важнейших для культуры 1950-х годов текстов – в работах В. И. Ленина, И. В. Сталина, затрагивающих вопросы организационного строения партии, и в «Кратком курсе». В этих текстах мы сталкиваемся с уже знакомыми нам по работе М. В. Нечкиной знаками организационного оформления. В «Кратком курсе» централизм входит в число тех основных понятий, при помощи которых характеризуется ленинский (а потому несомненно правильный) принцип построения революционной организации:

Партия, для того, чтобы правильно функционировать и планомерно руководить массами, должна быть организована на началах централизма <...> с единым руководящим органом во главе¹⁵.

Именно централизм, утверждал В. И. Ленин, был одной из двух основных идей, которые

большевистская редакция «Искры» «стремилась положить в основу партийной организации»¹⁶. Централизму в организационном вопросе противопоставлен автономизм, который понимается как крайне вредное для революции явление. Организация, основанная на началах автономизма, не имеет в своей основе сильного руководящего органа, и каждый кружок, входящий в ее состав, обладает большой свободой. Такая организация не может быть названа революционной: «Отказ от подчинения руководству центров, – сказано в ленинской работе “Шаг вперед, два шага назад”, – равняется отказу быть в партии, равняется разрушению партии»¹⁷. Более того, отказ от принципа централизма является знаком оппортунизма – «смертного греха» любого революционера¹⁸. В. И. Ленин усматривал в позиции Ю. О. Мартова, выступившего против централизма на II съезде РСДРП, «несомненную тенденцию защищать автономизм против централизма, как принципиальную черту, свойственную оппортунизму в организационных вопросах»¹⁹. Автономизм страшен еще и тем, что он является по сути тем самым «шагом назад» в организационных вопросах, о котором говорил В. И. Ленин. Автономизм есть знак организационной отсталости:

В неразрывной связи с жирондизмом и барским анархизмом стоит последняя характерная особенность позиции новой «Искры» (имеется в виду вторая редакция газеты, меньшевистская по своему составу. – Е. К.) в организационных вопросах: это – защита *автономизма* против централизма. <...> Защита организационной отсталости (хвостизм) новой «Искры»²⁰ тесно связан с защитой *автономизма*²¹.

Тянут же назад партию ярые оппортунисты-меньшевики: «Меньшевики, – гласит “Краткий курс”, – явно тащили партию назад от II съезда партии к организационной раздробленности, к кружковщине, к кустарничеству»²². В данном контексте становится понятно, почему М. В. Нечкина вводит в свое повествование об организационных принципах строения Союза Благоденствия понятие *центр*. Актуализация идеи централизма была призвана подчеркнуть революционный характер декабристского общества, ибо централизм ассоциировался в рамках советского кода с истинной революционностью. Точно так же, как и в случае с централизмом, наличие крепких связей внутри организации является в советском коде знаком революционности. Подлинными революционеры объединяют все свои отдельные кружки, сливают их в единое целое, в монолитную организацию, готовую при случае действовать. Образец правильного организационного строения – большевистская партия, не была создана на первом съезде ровно потому, что «съезду не удалось отдельные марксистские кружки и организации объединить и связать организационно»²³. Партия, как показал И. В. Сталин, возникла

только после того, как удалось «связать воедино <...> бесчисленные кружки»²⁴.

Более того, организационные связи мыслились в советской культуре как фактор, оказывающий серьезное влияние на революционную работу. При их отсутствии нельзя говорить об успешной борьбе. Так, причина внутривластного кризиса, ударившего по партии после первой революции, виделась И. В. Сталиным в отсутствии крепких связей между комитетами:

Партия страдает не только оторванностью от масс, но и от того, что ее организации ничем не связаны друг с другом, не живут одной партийной жизнью, оторваны друг от друга. Петербург не знает, что делается на Кавказе, Кавказ не знает, что делается на Урале и т. д., каждый уголок живет своей особой жизнью²⁵.

И этот кризис был большевиками преодолен. Как показано в том же «Кратком курсе», большевики победили во многом благодаря единству.

Союз Благоденствия, созданный «первыми революционерами» (не оппортунистами!), при всей их «классовой ограниченности» должен был быть представлен на страницах монографии как общество, спаянное крепкими внутренними связями. В противном случае это – не подлинно революционная организация, а значит, идеи В. И. Ленина о революционности декабристов следует признать ложными (а делать это в 1950-е годы было нельзя). Теперь понятно то внимание, которое М. В. Нечкина уделяет теме организационных связей внутри Союза, как понятен и подтекст этого повествования – крепкие связи внутри Союза свидетельствуют о революционности декабристов.

Работа в легальных организациях является следующим знаком революционности в рамках советского кода. Революционная тактика мыслилась в советской культуре как умелое соединение нелегальной и легальной работы. В «Кратком курсе» говорится:

Большевики повели энергичную борьбу за превращение легальных обществ в опорные пункты нашей партии. Искусно соединяя нелегальную работу с легальной, большевики завоевали на свою сторону в обеих столицах большинство профессиональных объединений²⁶.

Успех большевиков в тяжелый для них период столыпинской реакции был связан с тем, что партия сумела использовать в своей работе легальную площадку – «от страховых касс до думской трибуны»²⁷. Напротив, отказ от работы в легальных организациях является знаком враждебного каждому революционеру отзовизма. Отзовисты выступают против работы в легальных обществах (отзывают из них революционеров, отсюда и название) и предлагают сконцентрироваться исключительно на конспирации. Такая позиция была однозначно охарактеризована в «Кратком курсе» как вредная для дела револю-

ционной борьбы, поскольку отзовисты «хотели замкнуться в подпольной организации и вместе с тем ставили ее под удар, лишая возможности использовать легальные прикрытия»²⁸.

Разумеется, декабристы не могли быть представлены на страницах монографии советского историка как отзовисты XIX века (другими словами, как та сила, революционность которой под большим сомнением). Декабристы как подлинны революционеры должны были вести активную работу в легальных обществах. Именно поэтому в тексте монографии «в друзья» к Союзу Благоденствия была записана масса легальных организаций.

Дисциплина – еще один знак революционности в советском коде. Истинный революционер всегда стремится установить твердую дисциплину в организации и всегда ее поддерживать. Успех большевиков, как показано в «Кратком курсе», был связан во многом с тем, что они всегда умели сохранить «твердую дисциплину в своих рядах»²⁹.

Ленин рассматривал партию, как *организованный* отряд, члены которого не сами зачисляются в партию, а принимаются в партию одной из ее организаций и подчиняются, стало быть, дисциплине партии³⁰.

Напротив, Ю. О. Мартов, как оппонент В. И. Ленина, отрицал партийную дисциплину:

Мартов рассматривал партию, как нечто организационно *неоформленное*, члены которого сами зачисляются в партию и не обязаны, стало быть, подчиняться дисциплине партии³¹.

Отрицание организационной дисциплины было знаком оппортунизма. В. И. Ленин говорил:

Вокруг меньшинства сплотилось все, тяготеющее к оппортунизму, все, что склонно тащить партию назад и взять реванш за обиды, нанесенные революционной социал-демократией ее противникам, все... <...> склонное к интеллигентски-анархическому отрицанию организации и дисциплины³².

Актуализация знака *дисциплина* на страницах монографии «Движение декабристов» вновь отсылала советского читателя к идее революционности Союза Благоденствия – из двух вариантов (строгая дисциплина или ее оппортунистическое отрицание) декабристы выбрали, как показала в своей монографии М. В. Нечкина, первый, что и свидетельствует об их революционности.

Таким образом, прочтение текста М. В. Нечкиной не может быть полным без учета того семиотического кода, в рамках которого в 1950-е годы создавался исторический нарратив об истории декабристского движения. Причина этого заключается в смысловой многоуровневости текста монографии. Повествование имеет два семиотических уровня. На уровне естественного языка как первичной знаковой системы М. В. Нечкина в интересующем нас фрагменте текста повествует о структуре Союза Благоденствия, но на коннотативном уровне речь идет совсем о другом – говорится о несомненной революционности декабристов. Семиотическим кодом, благодаря которому раскрывалась эта смысловая полифония, был советский миф о русской революции и истории большевистской партии. Механизм «рекрутирования» декабристов в революционеры, используемый в советской историографии, был сложнее, чем это принято полагать, – существенную роль в наделении декабристов революционными коннотациями играли семиотические по своей сути приемы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В 50-е годы XX века советские историки должны были фактами подтвердить тезис Ленина о декабристах как первых русских революционерах, стремившихся к свержению самодержавия и ликвидации крепостного строя. Кроме того, декабристы должны были предстать на страницах научных трудов как истинные патриоты, поскольку официальная антикосмополитическая линия конца 1940-х – начала 1950-х годов имела, как показал А. М. Дубровский, ярко выраженный исторический аспект [7: 569]. Тот факт, что М. В. Нечкина завершила работу над монографией и издала ее уже после смерти И. В. Сталина, не отменял необходимости следовать руководящим указаниям – даже в середине 1950-х – середине 1960-х годов историкам удалось получить лишь относительную свободу [15: 266].
- ² В таких текстах «одни и те же знаки служат на разных структурно-смысловых уровнях выражению различного содержания» [12: 286]. По такому принципу построены, например, художественные тексты [3], [4], [5]. Идеи о семиотической многоуровневости текста получили распространение в современной исторической науке эти идеи находим в исследованиях И. Н. Данилевского и С. Я. Сендеровича [6], [14].
- ³ Прежде всего в работах «Основы семиологии» [3], «S/Z» [5], «Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По» [4]. О коннотативной семиотике Барта см. работу Г. Косикова [9].
- ⁴ Мы согласны с мнением Х. Уайта и Ф. Анкерсмита, согласно которому историческое прошлое как упорядоченный (объединенный причинно-следственной связью) и осмысленный феномен конструируется историком при помощи лингвистических и литературных средств [2], [20].
- ⁵ В этом смысле интересен бартовский пример с рекламой фирмы «Пандзани». В слове Пандзани коннотативным означающим являются фонематические составляющие «дз», отсылающие к итальянской культуре. Разбор этого примера см. в исследовании Г. Косикова [8].
- ⁶ Актуализация вторичных смыслов имеет интертекстуальный аспект, поскольку, как показал У. Эко, «чтение любого текста зависит от опыта читателя по чтению других текстов» [18: 43].
- ⁷ Нечкина М. В. Движение декабристов: В 2 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. Т. I. С. 186. Далее цитируется по первому тому данного издания с указанием с указанием в круглых скобках фамилии автора и через двоеточие страницы.
- ⁸ Согласно М. В. Нечкиной, Коренная управа и Коренной союз являются с известными оговорками одним органом: «Союз благоденствия делился на управы. Совокупность Коренного совета и остальных членов Коренного союза и составляла Коренную управу Союза Благоденствия. В силу этого можно отсюда сделать вывод, что Коренной союз Союза Благо-

- денствия и Коренная управа Союза Благоденствия совпадали в своем личном составе и поэтому в сущности являлись понятиями тождественными» (Нечкина: 206).
- ⁹ Ленин В. И. Памяти Герцена // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: В 55 т. Изд. 5-е. М.: Изд-во политической литературы, 1968. Т. 21. С. 261. Тезис о декабристах как первых русских революционерах, начавших дело, завершнное лишь большевиками, неоднократно был повторен В. И. Лениным. Ленин упоминал об участии декабристов в русском освободительном движении в работах «Памяти Герцена» (1912), «Роль сословий и классов в освободительном движении» (1913), «О национальной гордости великороссов» (1914), «Доклад о революции 1905 г.» (1917). Обращение к историческому материалу являлось для Ленина средством политической борьбы, поэтому нет ничего удивительного в том, что декабристы, народники и большевики взяты им вне конкретно-исторического контекста, но при этом ленинские высказывания имели статус аксиом для историков [13]. Как показал А. Л. Юрганов, в интересующее нас время не имело значения, «насколько то или иное высказывание вождя партии соотносится с историческим контекстом, потому что в каждом классическом тексте выражается вся полнота истины» [19: 677].
- ¹⁰ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1946. С. 25.
- ¹¹ Никандров П. В. Мировоззрение П. И. Пестеля. Л., 1955. С. 6–7.
- ¹² Аксенов К. Северное общество декабристов. Л., 1951. С. 5.
- ¹³ Как показал Б. А. Успенский, исторический опыт не есть нечто абсолютное и объективно данное, он меняется со временем и выступает как производное от настоящего. У каждой культуры есть свои семантические доминанты, благодаря которым прошлое получает осмысление [16]. История революции и большевистской партии являлась такой семантической доминантой в советской культуре интересующего нас времени.
- ¹⁴ Ленин В. И. Шаг вперед, два шага назад (Кризис в нашей партии) // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: В 55 т. Изд. 5-е. М., 1967. Т. 8. С. 188.
- ¹⁵ История Всесоюзной коммунистической партии... С. 48.
- ¹⁶ Ленин В. И. Шаг вперед... С. 222.
- ¹⁷ Там же. С. 335.
- ¹⁸ Оппортунизм в советском коде был противопоставлен революционности. В следующем отрывке из работы Ленина «Шаг вперед, два шага назад» хорошо видна эта оппозиция: «Разделение на большинство и меньшинство есть прямое и неизбежное продолжение того разделения социал-демократии на революционную и оппортунистическую <...> которое не вчера только появилось» (Ленин В. И. Шаг вперед... С. 330).
- ¹⁹ Ленин В. И. Шаг вперед... С. 365.
- ²⁰ «Новая редакция» газеты «Искра» была меньшевистской по своему составу.
- ²¹ Ленин В. И. Шаг вперед... С. 364.
- ²² История Всесоюзной коммунистической партии... С. 45.
- ²³ Там же. С. 23.
- ²⁴ Сталин И. В. Об основах ленинизма // Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М., 1947. С. 61.
- ²⁵ Сталин И. В. Партийный кризис и наши задачи // Сталин И. В. Сочинения. М., 1954. Т. 2. С. 147.
- ²⁶ История Всесоюзной коммунистической партии... С. 150.
- ²⁷ Сталин И. В. Заключительное слово по политическому отчету ЦК XV съезду ВКП(б). 7 декабря 1927 г. // Сталин И. В. Сочинения. М., 1949. Т. 10. С. 370.
- ²⁸ История Всесоюзной коммунистической партии... С. 370.
- ²⁹ Там же. С. 151.
- ³⁰ Там же. С. 41.
- ³¹ Там же.
- ³² Ленин В. И. Чего мы добиваемся? (К партии) // Ленин В. И. ПСС: В 55 т. М., 1967. Т. 9. С. 6.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Г. Д. История. Идеология. Политика (20–30-е гг.) // Историческая наука России в XX веке. М.: Научно-издательский центр «Скрипторий», 1997. С. 79–166.
2. Анкерсмит Ф. История и тропология: Взлет и падение метафоры. М.: Канон+, 2009. 400 с.
3. Барт Р. Основы семиологии // Нулевая степень письма. М.: Академический проект, 2008. С. 275–352.
4. Барт Р. Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 424–461.
5. Барт Р. S/Z. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 232 с.
6. Данилевский И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004. 370 с.
7. Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е годы). Брянск: Изд-во Брянского гос. ун-та им. акад. И. Г. Петровского, 2005. 800 с.
8. Косиков Г. Идеология. Коннотация. Текст // Барт Р. S/Z. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 7–22.
9. Косиков Г. Ролан Барт – семиолог, литературовед // Барт Р. Нулевая степень письма. М.: Академический проект, 2008. С. 5–50.
10. Лотман Ю. М. Культура и информация // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. С. 143–153.
11. Лотман Ю. М. Сцена и живопись как кодирующие устройства культурного поведения человека начала XIX столетия // Лотман Ю. М. Избранные статьи в трех томах Т. I: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Александра, 1992. С. 287–295.
12. Лотман Ю. М. Тезисы к проблеме «Искусство в ряду моделирующих систем» // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. С. 274–294.
13. Овсянников А. А. Эпоха в советской исторической науке: В. И. Ленин // Историческая наука России в XX веке. М.: Научно-издательский центр «Скрипторий», 1997. С. 52–78.
14. Сендерович С. Я. Раннее русское летописание и проблема начала русской историографии // Из истории русской культуры. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. I. С. 461–499.
15. Сидорова Л. А. Оттепель в исторической науке. Середина 50-х гг. – середина 60-х гг. // Историческая наука России в XX веке. М.: Научно-издательский центр «Скрипторий», 1997. С. 244–268.

16. Успенский Б. А. История и семиотика. Восприятие времени как семиотическая проблема // Успенский Б. А. Этюды о русской истории. СПб.: Азбука, 2002. С. 9–45.
17. Хорошева А. «Пушкин наш, советский!». Почему Сталин в 1937 году организовал пушкинские торжества // Живая история. 2017. № 5 (5). С. 17–22.
18. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. М.: РГГУ, 2005. 502 с.
19. Юрганов А. Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2011. 765 с.
20. White H. Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation. Baltimore, London: The John Hopkins University Press, 1990. 244 p.

Kamenev E. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

**THE UNION OF PROSPERITY AS A “PARTY OF A NEW TYPE”
(connotative meanings in M. V. Nechkina’s monograph *The Decembrist Movement*)**

The connotative semiotic level of M. V. Nechkina’s monograph *The Decembrist Movement* (1955), which was not previously the subject of a special historiographical analysis, is investigated. The analysis of the Soviet historian’s text revealed that it is built on the principle of multilevel semantics: besides the literal meaning, there is also the culturally-based one. Culturally-based content was formed due to the very form of narration. M. V. Nechkina described the organizational structure of the Union of Prosperity within the official discourse about Russian revolution and the history of the Bolshevik Party. The discourse used by the monograph’s author provided the actualization of official Soviet ideologemes in the text and set up the mechanism of intertextual connections. The immersion of the Soviet historian’s narrative into this cultural context ensured the inclusion of secondary meanings in it. By referring to the precedent texts of the Soviet era M. V. Nechkina indicated that the organizational structure of the Union of Prosperity corresponded to the Bolshevik Party structure. These parallels had an important interpretational significance – due to them the Decembrists were interpreted as real revolutionaries. The study of connotative meanings in M. V. Nechkina’s monograph is essential for understanding the mechanism of formation of the Decembrists’ Soviet image on the basis of the combination of scientific and cultural codes.

Key words: historiography of the Decembrists movement, M. V. Nechkina, connotative meanings, semiotics

REFERENCES

1. Alekseeva G. D. History. Ideology. Politics (1920s–1930s). *Historical science of Russia in the XX century*. Moscow, 1997. P. 79–166. (In Russ.)
2. Ankersmit F. History and tropology. The rise and fall of metaphor. Moscow, 2009. 400 p. (In Russ.)
3. Barthes R. Elements of semiology. *Writing degree zero*. Moscow, 2008. P. 275–352. (In Russ.)
4. Barthes R. Textual analysis of a tale by Edgar Poe. Selected works. Semiotics. Poetics. Moscow, 1989. P. 424–461. (In Russ.)
5. Barthes R. *S/Z*. Moscow, 2001. 232 p. (In Russ.)
6. Danilevskiy I. N. The Tale of Bygone Years: the hermeneutical bases of chronicles. Moscow, 2004. 370 p. (In Russ.)
7. Dubrovskiy A. M. Historian and authority: the historical science in the USSR and the concept of the history of feudal Russia in the context of politics and ideology (1930–1950). Bryansk, 2005. 800 p. (In Russ.)
8. Kosikov G. Ideology. Connotation. Text. *Barthes R. S/Z*. Moscow, 2001. P. 7–22. (In Russ.)
9. Kosikov G. Roland Barthes – semiotician and theorist of literature. *Barthes R. Writing Degree Zero*. Moscow, 2008. P. 5–50. (In Russ.)
10. Lotman Yu. M. Culture and information. *Lotman Yu. M. Articles on the semiotics of culture and art*. St. Petersburg, 2002. P. 143–153. (In Russ.)
11. Lotman Yu. M. The stage and painting as code mechanisms for cultural behavior in the early XIX century. *Lotman Yu. M. Selected articles in three volumes. Vol. I: Articles on semiotics and typology of culture*. Tallin, 1992. P. 287–295. (In Russ.)
12. Lotman Yu. M. Theses on the problem of “art in a series of modeling systems”. *Lotman Yu. M. Articles on the semiotics of culture and art*. St. Petersburg, 2002. P. 274–294. (In Russ.)
13. Ovsyannikov A. A. The era in Soviet historical science: V. I. Lenin. *Historical science of Russia in the XX century*. Moscow, 1997. P. 52–78. (In Russ.)
14. Senderovich S. Ya. Early Russian chronicles and the problem of the beginning of Russian historiography. *The history of Russian culture*. Moscow, 2000. Vol. I. P. 461–499. (In Russ.)
15. Sidorova L. A. The Thaw in historical science. From the mid-1950s to the mid-1960s. *Historical science of Russia in the XX century*. Moscow, 1997. P. 244–268. (In Russ.)
16. Uspenskij B. A. History and semiotics. The perception of time as a semiotic problem. *Uspenskij B. A. Studies on Russian history*. St. Petersburg, 2002. P. 9–45. (In Russ.)
17. Horosheva A. “Pushkin is our Soviet man!” Why Stalin organized celebrations commemorating Alexander Pushkin in 1937. *Zhivaya istoriya*. 2017. No 5 (5). P. 17–22. (In Russ.)
18. Eco U. The role of the reader: explorations in the semiotics of texts. Moscow, 2005. 502 p. (In Russ.)
19. Yurganov A. L. The Russian national state: the existential world of the Stalin period historians. Moscow, 2011. 765 p. (In Russ.)
20. White H. Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation. Baltimore, London, 1990. 244 p.

Поступила в редакцию 20.11.2018